

www.promegalit.ru

Ольга Злотникова
Паства
книга стихотворений

Поэтическая серия
«Только для своих»

ольга злотникова

паства
книга стихотворений

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Ольга Злотникова. Паства: книга стихотворений - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 60 с.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-17

© Ольга Злотникова, стихотворения, 2016

© Александр Петрушкин, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ничего не было слаще /5/	
СОБИРАНИЕ СЕБЯ /6/	
Смурная, глядишь за окошко /9/	
MELANCHOLIA /10/	
Случается ведь обморок вещей /11/	
Господь, я Твоя собачница /13/	
Прощанье с детством длиною в жизнь /14/	
Путаных смыслов вязь /15/	
Младенец рос из меня – я росла из младенца /16/	
Из года в год всё те же имена /18/	
Мимолетная память песка /19/	
Путь семени к ростку /20/	
Жить-поживать, с надрывом /21/	
У каждого своя – не подберёшься /22/	
что-то должно остаться /23/	
Я здесь проездом, потому /24/	
Среди старых корзин и картонок /25/	
если будут меня судить /26/	
Одиноки в конце, как в начале /27/	
Под огромными липами в старом дворе /28/	
Встретимся на глубине /29/	
НА ПТИЧЬЕМ ЯЗЫКЕ /31/	
В конце концов, останется немного /33/	
Качается соломенная зыбка /34/	
- Мама, вот шмель, он мертвый /36/	
Когда на «Боже, помоги мне!» /37/	

какая ночь! цветением дышит сад /38/
НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ /39/
Вовек не пожелаешь никому /42/
СМОТРИ, КАК РЕКА /43/
Однажды войдешь в сад /46/
Взойдешь на незнакомый холм /47/
СТОЯТ СНЕГА /48/
Свобода, холод, неуют /50/
КИТАЙСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ /51/
Люблю весной глухую дачу /53/
ЖИВАЯ РЫБА /54/
ПАСТВА /55/
И птички и детские души /57/
Когда умирают травы /58/

ничего не было слаще
неспелых антоновских яблок
в мокрой траве у дома
после грозы, в июле...

СОБИРАНИЕ СЕБЯ

-1-

Бывает так, как будто я – не я,
как будто я была уже когда-то,
и сыновья счастливые бегут,
и смех звучит за точкой невозврата.

Рассыпалась, как бусы, по земле:
сын соберет и сложит аккуратно
в своё ведерко, белое, как смерть,
и не вернет сокровище обратно.

Смотрю на сыновей: их тоже как бы нет,
им пять и сорок пять как будто лет,

и на меня глядят, как на старуху,
и младший тянет жилистую руку –
меня поить колодезной водой,
и он меня не помнит молодой...

Сломалось время, выбилось из сил.
Часы устали ждать и суетиться.
А может быть, сознание подводит,
и жизнь моя надломленная – снится?

Я отряхну саму себя, как сон.
Всё, кажется, уже когда-то было.
Растерянно, как дети в темноте,
меня зовут отчаянно все те,
кого любила.

-2-

Мне восемь лет, и я впервые я,
в зеленой майке с белозубым зайцем
и в джинсовых с заплатками штанах,
в траве лежат резиновые сланцы,
над миром – середина 90-х,
но это для меня непостижимо –
я постигаю реку и себя.
Отец и мама где-то далеко,
я их сейчас почти не различаю,
лишь изредка, как тени, проступают
красивые встревоженные лица –
мне боязно, что это не они,
а настоящих я почти не помню.
Смотрю туда, где ракушки в песке
на мелководье, и река искрится,
и кажется, что так смеется детство
пескариками с желтой чешуей.

Мне восемь лет, сижу на берегу
и камушки неловкими руками
бросаю в воду – непременно тонут,
и по воде расходятся круги.

Смурная, глядишь за окошко:
там черные сосны стоят,
а в рюмке – фруктовая мошка
хлебнула разбавленный яд.

До фильтра докуренный «Космос»,
до ручки дошедшая – ты.
Вплетается в черные косы
узорный венок пустоты.

Недвижная мошка на глади
прозрачайшей слезной воды.
И ты выпиваешь, не глядя,
и водку, и мошку, и дым.

MELANCHOLIA

Андрею Фамицкому

-1-

Циничный привидится Лосев,
Иванов, Бог весть еще кто,
когда перед выходом в осень
стоишь на пороге в пальто.

В потемках, в углу коридора,
блефуют к ночи зеркала,
и вечный виновник раздора,
как призрак квартирного вора,
глядит на тебя из стекла.

-2-

В автобусе хомо советикус
безрадостно смотрит в окно,
и цветика-семицветика
ему не дано, не дано
огнива, ковра самолета,
так – пыль выбивать из ковра.
Никто по фамилии кто-то,
работа, работа, работа,
аврал, каптоприл, доктора,
и душный автобус с утра.

*«...Твоя любовь,
дыша, в меня их обмороком входит».
Надя Делаланд*

Случается ведь обморок вещей,
когда они мертвеют на минуту,
и ты не знаешь, как себя назвать
среди них, и их названия тоже
затеряны в пустотах бытия:
вот шкаф, он больше шкафом не зовется,
и мать его – смолистая сосна –
сосною быть перестает,
и больше – вся материя беззвучна,
беспамятна, неузнана, беззуба,
губами ловишь воздух, и ни слова
в нем больше не звенит,
и мелкими горошинами звуки
отскакивают в пустоту,
где все – возможность,
и предел вещам не задан,
и жизнь – предвосхищение вещей.
Они очнутся, ты их назовёшь:
кровать и стол, пиджак повис во мгле
на стуле колченогом и убогом,

и книга распласталась на столе.
А было так: не липкий влажный морок,
а голое внезапное ничто.
И ты обезоружен перед Богом.

памяти Вениамина Блаженного

Господь, я Твоя собачница
и Твой озорной щенок.
Я псина Твоя, дурачиться
люблю у хозяйских ног.

В беде начинает сниться мне,
как будто собаке – кость,
худая Твоя десница
на лапе моей, Господь.

Ты чешешь меня старательно,
и я всё машу хвостом.
Мы кровными стали братьями
с блохастым живым Христом.

Прощанье с детством длиною в жизнь.
И у черты последней
помнишь, на велике как кружил
по двору, пятилетний?
Поодадь мама стояла, вся
сотканная из света.
Вот и достаточно для тебя –
помнить хотя бы это...

Путаных смыслов вязь,
рыбы смышленной рот.
Маленький, черный – в грязь:
прячется в норку крот.

А стебелечек – ввысь,
крепнет день ото дня.
Мамочка, помолись,
вечером за меня!

Младенец рос из меня – я росла из младенца.

Он меня выпивал – я от него наполнялась:

молчаньем,

любовью

и

молоком.

Так крик тишину рождает,

беззащитность –

любовь,

радость.

Раздвоенность – неразделенность:

он во мне

или

я – в нем?

Мы нуждаемся друг в друге,

как лук в тетиве натянутой,

а тетива – в луке.

Любовь самую чистую

выпустить в мир

или

впустить внутрь?

Ветер несет семя по воздуху,

чтобы вручить земле:

крошечное, беззащитное,

но в сути своей – дерево,
соединяющее
верхний
и
нижний
мир.

На заклятие ли?
На благословение?
Прорастет ли?
Даст ли плод добрый?

Из года в год все те же имена,
все те же лица в старом некрологе,
и я все также мучаюсь одна
в сырой и продуваемой берлоге.
Есть линия в пространстве – это я,
и есть отрезок – это мысль о Боге,
и есть еще какая-то земля,
какой-то дом и мальчик на пороге.
Среди чужих натопленных планет
мне не найти ни паперти, ни храма.
Не ври мне, ради Бога, жизни нет,
и не ходи без шапки, слышишь?

Подпись –
Мама.

Мимолетная память песка,
сон о жизни за плотными створками.
Нам – светить и слетать с языка
оговорками.

Путь семени к ростку
во влажной тьме земли:
зеленой извивающейся змейкой
я восхожу, рождая листик клейкий,
чтобы созвездья надо мной цвели,
и млечные не пересохли реки,
и мальчик, помогая старику,
поплушно
поливал меня
из лейки.

Жить-поживать, с надрывом
долго ли проживешь?
Перекроишь – криво,
если вообще сошьешь.

Переписать-то нечем:
выбормотать – и все.
Так мы себя лечим,
думая, что спасем.

У каждого своя – не подберешься –
дозволенная мера слепоты.
Какою же змеюкою ты вьешься,
душа моя? Чего не видишь ты
за камнем придорожным, за вещами,
за словом, за значением вещей?
О, как же мы с тобою обнищали,
не в чем-то маловажном – вообще.
И что за слепотою? Просто страшно
раздвинуть горизонты и взглянуть,
как сердце-часовой стоит на башне,
глядит, не промелькнёт ли кто-нибудь.
Как сердцу-часовому даже выстрел
милее, чем вот эта тишина,
в которой засыпаешь слишком быстро
на все (как это страшно!)
времена.

что-то должно остаться

в темной листве вечерней,
в мокрой траве у дома,

в тонкой твоей печали,
в робкой моей заботе,

в паузах между нами

невыразимо тихим,
незамутненно полным,

только прошу – ни слова,
птичка в окно стучится:

не вспугни!

памяти Елены Шварц

Я здесь проездом, потому
имущества не завожу.
Как мошкар: на свет, во тьму
звеню, жужжу...
Лечу бесстрашно, как комар
на страшного земного зверя.
Едва коснусь – свистит удар
хвостом – не велика потеря
для вечности – один сосун,
один случайный кровопийца.
В раю, как вечером в лесу,
таких – тьма-тьмушая толпится.
И всё звенят, жужжат, как встарь,
беспечные, но видишь, Боже:
у пса на кончике хлыста
облезла шерсть,
и неспроста
лоснится
розовая кожа!

Среди старых корзин и картонок
не глазастый щенок, не котенок –
среди старых корзин и картонок
на полу в коридоре – ребенок.

Диковатый, смешной, черноглазый,
мальчик, девочка – не разберешь,
понимает все – точно и сразу –
что за целую жизнь не поймешь.

За пеленками, полотенцами –
целый мир из чужого тряпья.
Вы когда-нибудь были младенцами,
беспробудными, как и я?

если будут меня судить,
оправдаюсь так:

молоко моё
пил ребёнок.

Одиноки в конце, как в начале –
никого, кроме мамы и Бога.
Помню, как у доски отвечали:
мол, не выучили урока,
все вторично (не ново, не складно),
хочешь, экзаменуй нас до срока,
провалили экзамен – и ладно.
Мол, ни родины, ни пророка
не хотим выбирать, ни погоста,
ни кола, ни двора, ни порога –
это слишком знакомо и просто.
Хуже, если душа – это остров,
где – ни мамы,
ни Бога.

Мише

Под огромными липами в старом дворе
и под небом, как липы, огромным –
большеротый птенец, синеглазый пострел,
я таким тебя, мальчик, запомню.
Наблюдаем жука в высоченной траве,
или это нас выдумал кто-то?
Только мама и сын в осяянном дворе,
как на старом засвеченном фото.

«А свет играет, как дети...»

О. Седакова

Встретимся на глубине,
будем рыдать в голос

над детством,
звонящим

в дрожании утра –
в сиянии

(забытом, забытом!)

А когда нарыдаемся вдоволь,
увидим друг друга впервые:

вот он я,
вот она я –

не лица,
не люди,
не тело в обертке цветной,

но свет утренний
и свет вечерний.

И светом прижмемся друг к другу.

НА ПТИЧЬЕМ ЯЗЫКЕ

-1-

Есть чудо узнавания себя
в цветке и в бабочке,
готовой вострепнуться.
Мир крепко спит, и души крепко спят,
но чутко спит одна –
и силится проснуться.

Вот ветер всколыхнул цветы, траву,
и бабочка вослед
вспорхнула, улетела.
И если я когда-нибудь умру,
то только так – вспорхнув –
покину тело.

-2-

Я говорю на птичьем языке,
его вы не поймёте никогда,
соринка для гнезда в моей руке
и в клюве густо-красном, кровавом,

и я живу лишь образом гнезда –
я строю дом.

Я приношу то прутики, то щепки
и собираю скудные объедки
с худого человеческого стола.

Отныне я не женщина, но птица,
не прячьте обескровленные лица:
я вам врала, но гнёзд не разоряла
(хоть знаю – вы их прячете в
траве...)

А жизнь – птенец, свихнувший
крылья слёток,
и век её и короткий и кроток:
мир узнан,
миг – полёт,
затем – пробел,
земля черна, а саван снежно-бел.

В конце концов, останется немного:
жизнь всё перекроит, перетрясёт.
А в общем, и за это – слава Богу:
два-три стихотворения, и всё.
Два-три на свете близких человека
и пара, может, пять, любимых книг,
и трочка по русскому – в дневник.

Качается соломенная зыбка,
история тиха и безъязыка
до первого младенческого крика

(гляди, как прибывает молоко!)

Хватай изголодавшимся зверком
торчащий бледно-розовый сосок,
младенец мой,
щенок,
детеныш,
Бог.

Я видела, как плещется внутри
светящаяся маленькая рыбка –
в аквариуме – детская улыбка,
давай ее отпустим:
раз,
два,
три!

...Я тоже улыбаюсь,
посмотри,

я тоже исчезаю,

я – внутри
дрожания, свечения...

Замри!

- Мама, вот шмель, он мертвый,
в траве под цветком лежит,
круглый, смешной, мохнатый,
а кто его оживит?

- Что? – Обернусь растерянно,
не помня ни день, ни год:
сын предо мною взрослый,
и шмель под цветком – не тот.

Когда на «Боже, помоги мне!»
тебе ответит пустота,
и ты пойдешь под хлестким ливнем,
под флагом белого зонта,
когда за жизнь свою на свете
внезапно испытаешь стыд –
вдруг вынырнут из парка дети,
и голубь под ноги слетит.

Ю. М.

какая ночь! цветеньем дышит сад,
и соловей (не смейся!), соловей,
а мы с тобой – два вора у дверей
в его дворец в сплетении ветвей.
какие звезды, Юрка, посмотри,
ну что смеешься! бьется мирозданье
единым сердцем, хочется курить.
а мы с тобой – подростки на свиданье,
и зацветает дерево внутри:
смотри на звезды, вслух не говори.

НА ДЕРЕВЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

-1-

На деревенском кладбище цветы,
ты в городе росла, ты их не знаешь,
и земляника вправду вдвое слаще,
чем та, что за Василево, в лесу.

По осени – поганки, сыроежки,
и шампиньоны прячутся в траве.
А может, подберезовик заметишь,
масленок заблестит из-под листа.

На кладбище – и бабочки, и птицы,
и бабочки, и птицы хороши,
щебечут и чирикают, порхают.

И божии коровки на цветах,
и пчелы, и блестящие жуки.

-2-

На деревенском кладбище кресты:
зеленые и ржаво-голубые,
и белые, конечно, и еще
некрашенные старые стоят,

фамилии – две-три за сотню лет,
и ты свою повсюду узнаешь
и думаешь: - Не я ли здесь лежу
под липой, под березой, под сосною?

В такой вот день, что хочешь может быть.
И солнце ослепительно нездешнее.

Ты пригоршнями ягоды глотаешь
и пробуешь травинку – сладко, сладко! –
и слушаешь невидимую птицу,
что в кроне схоронилась и поет.
А божия коровка на коленке
недвижно, безмятежная, сидит,

и кажется, не кладбище – а сад,
и кажется, не кладбище – а лес,
и кажется, не кладбище – а сон.

-3-

Ты маленькая, полдень, ты всё спишь,
и близкие не умерли, а живы,
и даже земляника, и грибы,
и бабочки, и птицы, и коровки,
и звери не исчезнут, не умрут.

Кресты, кресты, кресты, кресты, кресты
пройдут, пройдут, пройдут, пройдут, пройдут,
взлетят, взлетят, взлетят...

Останется невинное дитя,
бессмертное курносое дитя
в лесу, в саду
сто тысяч лет
спустя.

Вовек не пожелаешь никому:
не смерть, но одинокое посмертье.
Так, запертый в пустующем доме,
терзается оставленный ребенок –
ему невыносимо одному.
И кажется, как будто Бога нет,
и мамы тоже нет, однако знаешь,
что есть и Бог, и мама, но не здесь,
а в доме очень душно и видна
часть неба из забитого окна,
но ты ее почти не различаешь.
Ты был старик, теперь совсем дитя,
и чувствуешь: уже невозможно
вот это: что не спас, недолюбил,
что отвернулся, что прошаркал мимо,
и кажется, что лучше бы убил,
чем не сберег, и на руинах мира
голодных голубей не покормил.

СМОТРИ, КАК РЕКА

Больше любви, сильнее смерти – усталость,
падаешь в нее, как в обморок, хватаясь за все,
за что только можно схватиться:
последнюю радость, безумие гнева, память и детство,
/или проваливаешься в один миг, за которым – тьма египетская/

О, усталость, скорбное божество, тишайший палач,
поступь твоя неслышна, приходишь без спросу, имени не называешь,
казнишь без суда, не щадишь стариков и женщин,
и даже детей
/мне это почти невозможно понять/

Просто однажды ты вдруг ощущаешь себя
бесконечно уставшим,
старым, нелепым, пустым, никому не нужным,
живущим на горькой, кровавой земле миллионы лет –
и вот она рядом, усталость, безрадостная подруга:
молча нальет – выпьешь, не опьянеешь,
ляжешь в постель с ней – проснешься совсем другим.

Идет за тобой, когда направляешься в город,
в музей, на работу, на встречу к друзьям, на природу,
когда ты читаешь, ешь, занимаешься любовью,
всюду, внутри и снаружи – крошечным туманом из Стивена Кинга.

Знаки просты: таким, как сегодня, утром
ты напрочь забудешь поцеловать ребенка,
выйдешь на улицу на рассвете и не заметишь зацветшую вишню,
в автобусе вдруг посмотришь на целующихся подростков
с раздражением,
в вечерних новостях услышишь о разбившемся самолете
/вдобавок с детьми на борту/
не закуришь, не выпьешь, не позвонишь родным,
сердце не ёкнет, устало подумаешь – еще один, и переключишь канал.

Увидев однажды знак, вспомни, что ты – река,
вспомни про плёсы и перекаты, плёсы и перекаты,
реке усталость неведома – она течет,
смысл ее в том, чтобы течь, чтобы впадать,
чтобы давать корм птицам, зверям и рыбам,
чтобы хранить храм подводных растений,
чтобы питать, поить, наполнять, быть,
быть до конца рекой, никем кроме реки
/быть/

Ночью река открыта звездам, днем – облакам и птицам,
и постоянно – ветру, дождю и снегу,
вечно открыта, как дом христианский, послушна и цельна:
держится в берегах своих,
насколько хватает сил,

выходит порой, но всегда возвращается,
даже мелькая, до последней капли *река*.

Вот, человек, средство против усталости,
за которой всегда стоит кукловод-отчаянье,
обида и разные мелкие демоны:
зависть, жажда, гнев, гордость, похоть и многое.

Река не может устать, если она – река.
Птицы поют. Время течет. Голову подними,
смотри над собой, что бы там ни было:
ясное небо, тучи клубятся, дождь ли, снег,
смотри, как река, вместилищем, зеркалом будь,
смотри до тех пор, пока не почувствуешь:
- Жив!

Однажды войдешь в сад,
темнее других садов,
увидишь в саду цветок,
прекрасней других цветов:
забвение, память, смерть
среди его лепестков,
и мир в него заключен,
в его золотую клеть.

Взойдешь на незнакомый холм:
кругом так широко и звонко,
а ты сокровище нашел,
в стогу – блестящую иголку.
И слушаешь, как все звучней
кузнечиков скороговорка,
и распускается ручей,
клубочком катится под горку.
Среди звучащей красоты,
иголка, сшей всё воедино:
ручей, кузнечиков, цветы,
и вышей в самой середине
живое красное сердечко
и маленького человечка.

СТОЯТ СНЕГА

Приходят вдруг воспоминаньем
чего-то чистого, родного

(о, родовая память – снег!)

свечение – звук, еще не слово
– зовущий свет! –
как вестники пути иного,
снега таинственно стоят,

снега задумчиво глядят,
как жизнь проходит.

Из детства, помнишь? – Игры, танец –
снежинок легкие иголки
касаются замерзших рук
(ты варежки, наверно, потерял),

по корочке сверкающей идешь –
хрустит...

А сон как снег,
и в мире тихо,
 тихо,
 тихо,
и, просыпаясь, плачет
человек.

- К земле заснеженной припасть
лицом и теплыми губами,
как к матери или любимой,

хотел бы я,
но как же, как
мне жить, когда снега такие?!

Свобода, холод, неуют
среди мерцания и звона,
и Заболоцкий с Аронзоном
густую ночь в молчаньи пьют.
Шатаясь, по лесу идут,
и ночь рекой течет за ними,
выпытывает: - имя? имя?
в доисторическом бреду.
Она древнее, чем тоска,
она беременна вещами,
и звезды мелкими лещами
по-рыбы смотрят свысока.
Еще у мира нет лица,
и Бог еще в себя не верит,
спит человек, и сад, и звери.
А рыбы – в поисках ловца.

КИТАЙСКИЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

—
китайские колокольчики
под старой стрехой
звенят, как звенели
в империи Сун

за тысячу лет до меня.

и художавый мальчик
в грубом крестьянском платье
стоит на вершине холма.

сегодня ему
исполнилось девять,
и он узнаёт себя.

сквозь узкие прорези глаз
смотрит, как солнце садится
за рисовым полем,
большое и круглое

теперь и тысячу лет спустя.

—
пухлый мальчишка
в джинсах и поло

сидит на коленях
посреди оживленной улицы
в большом европейском городе,

смотрит, как майский жук
переходит дорогу.

—
я слышу твои колокольчики,
время:

я открываю глаза.

Ю.М.

Люблю весной глухую дачу
и мякиш глинистой земли,
и чтобы нам на старой кляче
хоть раз в неделю хлеб везли.
Люблю, когда за поворотом,
один, у рыбного пруда,
без удочки сидишь – с блокнотом,
и тихая стоит вода.

ЖИВАЯ РЫБА

С машины, возле остановки
автобусной, где водку пьют,
цыгане с воровской сноровкой
живую рыбу продают.

На металлическом прилавке
едва подрагивает хвост,
и теткам в ежедневной давке
плевать на рыбий холокост.

Цыганка толстая и злая,
цыган приветлив, пьян и тих,
а рыба крупная, живая
глядит куда-то мимо них.

ПАСТВА

*«Бедный я человек! Кто избавит меня
от этого тела смерти?» (Рим 7, 24)*

Одни едят Тебя, Господи, это мужчины,
тела их из смерти, бедные, бедные,
а Ты им вода живая и черствый хлеб:
макают в воду, долго во рту держат,
но не бывают сыты.

Другие пьют Тебя, Господи, не напьются,
тела их из смерти, в глазах отчаянье, голос нежен,
а Ты им вино хмельное, перебродивший сок,
им хлеба не надо, ведет их жажда,
и голову кружит.

Есть третьи, Господи, это дети,
они поют тебя, Боже, и этим сыты,
они про хлеб забудут, про воду не вспомнят,
они совсем не знают, зачем вино.

Поют лозу виноградную, и дикие яблоки,
урчащий живот, и это чувство под ложечкой:
как будто кушать хочется, но не голод.

А это радость восходит от живота выше,
набухает за грудиной,
черпает слово из сердца
и прорастает в гортани песней.

Вот-вот вырвется кличем победным,
музыкой громогласной, симфонией света,
но слышишь – становится песенкой детской,
пастушьим ля-ля из дудочки ивовой,

в последний момент переходит на шепот:
выдох предсмертный – так отлетает душа
с едва уловимым звуком,

и мир, онемев, глядит
сам на себя синими, как озера, глазами,

кружатся бабочки, ветер пригнул травинку,
божья коровка застыла, раскачиваясь на маятнике цветка,
кот лениво потягивается
в тени медоносной липы –
вот Твоя паства, Господи, посмотри,
и какая кругом тишина.

И птичьи и детские души
уходят всегда налегке.
Надутый, как шарик воздушный,
парит белоснежный пакет
над крышами многоэтажек,
листья по земле шелестят,
две птички из белых бумажек
в осеннее небо летят.
Ты сам себе долог и тяжек,
пустынен район поутру,
две птички из белых бумажек
поют на холодном ветру.

Когда умирают травы,
нет виноватых, правых,
нет ни чудес, ни славы,
когда умирают травы.

Когда умирают звери,
хочется просто верить,
просто во что-то верить,
когда умирают звери.

Когда умирают люди,
кто-то их вечно судит,
кто-то их вечно будит,
Боже, помилуй судей!

В серии «Только для своих» выпущены

в 2015 году:

**Наталия Черных (Москва). Четырнадцать
Александр Петрушкин (Кыштым). Подробности
Александр Павлов (Армавир). Недолет
Вадим Балабан (Троицк). Нулевая палата
Изяслав Винтерман (Израиль). Огонь на двоих
Владислав Семенцул (Екатеринбург). Трубка полого снега быстрого бега
Янис Грантс (Челябинск). Конъюнктивит
Дмитрий Машарыгин (Озёрск). Всё проще
Алексей Мишуков (Украина). Дядька Иван
Эдуард Учаров (Казань). Трёхколёсное небо**

в 2016 году:

**Иван Клиновой (Красноярск). Варкалось
Андрей Дмитриев (Нижний Новгород). Орнитология воды
Григорий Гаврилов (Орёл). Граница всего
Сергей Ивкин (Екатеринбург). Голая книга
Ольга Злотникова (Минск). Собачница**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Ольга Злотникова

Паства:

книга стихотворений

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 09.02.2016 г.

Формат: 148x148 1/16

Тираж: 400 экз.